

Розин В.М. Реконструкция философских и художественных произведений. Гуманитарно-методологическое исследование. — М.: Голос, 2026. — 290 с.

В новой книге российского методолога и ученого собраны реконструкции художественных и философских произведений, которые он осуществил в последние годы. Вадим Розин делится с читателями не только новым, часто неожиданным содержанием, возникающим в результате удачной, на его взгляд, реконструкции, но и старается продемонстрировать методы гуманитарной реконструкции. Он показывает, что реконструкция обусловлена, с одной стороны, анализом реальности художественного и философского произведения, с другой — анализом коммуникации, в которой эти произведения функционируют, с третьей стороны — творчеством их авторов. Книга ориентирована на самый широкий круг читателей, от ученых и педагогов до всех, кто не ограничивается простым чтением, а старается понять смысл произведения и того, что хотел сказать его автор.

Книга состоит из Введения, трех глав и Приложения, касающегося острого нынче интереса к искусственному интеллекту. Во всех главах автор обращается к произведениям В.А. Плутина, А.С. Пушкина, М.И. Цветаевой, М.Л. Степновой, О. Памука, М. Шалева, А. Гавальда, И.А. Бунина, С. Рушди, А.И. Неретина, В.А. Беляева, М.Я. Гефтера, не говоря уже о Платоне и Аристотеле. В этом особый интерес книги Розина: ведется диалог с предками и современниками, причем и тем и другим показывается их произведение в новом для них — читательском — ракурсе. Глава 1 называется «Подход, опыт и методология гуманитарного мышления», глава 2 — «Реконструкция художественных произведений», глава 3 — «Реконструкция философских и научных произведений». Термин «реконструкция» — не соединение разбросанного, найденного и вновь соединенного. Автор объясняет его так: «...реконструкция — это тоже вид исследования... говоря о реконструкции, я подчеркиваю дух гуманитарного изучения (науки). Обращаю внимание читателей, что помимо моего гуманитарного исследования определенного произведения существуют (могут существовать) другие исследования то же самого произведения, причем отличные от моего. Указание на другие прочтения означает в том числе и то, что педалируется вклад в реконструкцию произведений собственного творчества (авторского подхода, методологии, используемых средств, каких-то других моментов)» (с. 5).

Ведя речь о гуманитарном мышлении, отличном от естественно-научного, автор ссылается на его первооткрывателей — В. Дильтея и М.М. Бахтина, который «показывает, что важно не только то, о чем гуманитарное знание говорит, но и куда оно нас ведет, возникают ли события и какие, освобождает ли автор место для нашей жизни, развития, роста, помогает ли всему этому. Только в этом случае гуманитарное знание является, по Бахтину, диалогическим, ценностным знанием не только об объекте, но и самом знании и познании, получается не просто как описание независимого от нас объекта, а как момент взаимоотношений с этим объектом (смена монологической позиции на диалогическую, признание за чужим сознанием автономии, обнаружение в речи диалогических обертонов и смыслов и т. д.)» (с. 6).

Эти же диалогические обертоны автор видит и в искусственном интеллекте как единстве «интеллекта и разума» (хорошо бы понять, что имеется в виду), не сводимого к работе нейронов, а — напротив — вводящего в него культуру, интеллект, сознание и творчество, обладающих собственными — не физическими или биологическими — уровнями сложности и автономии. Однако пока анализ ИИ не выходит за уровень экзemplарности. Одним ИИ демонстрировал полный акт мышления и творчества с присоединенными другими вариантами решения заданной проблемы. Но в других случаях ошибался (это хорошо бы рассмотреть), правда, тут же признавая ошибки, если (важное «если») его уличали. Верно, что он не создает черновиков, но есть примеры, где шаблонов пруд пруди, хотя его серьезное отличие от «человеческого» разума в том, что «у него нет злокозненных замыслов», он соглашается с ошибками и имеет «скорее дружественный, медиативный разум» (с. 255–266).

Автор говорит: «На процесс формирования искусственного интеллекта можно взглянуть еще с двух точек зрения — технологической и культурно-антропологической» (с. 267). Ибо как новая технология искусственный интеллект родился в зоне ближайшего технологического развития. А культурно-антропологическая точка зрения, с позиции автора, позволяет провести аналогию между процессом становления ИИ и процессами формирования европейского разума.

Автор, занимаясь реконструкцией, находится в очаровании (хочется сказать: в плену) своей давней идеи — схемологии, выстраивая и поэтические схемы — например, собственного стихотворения («Мне сон приснился странный / Что умерли мы оба...»). При реконструкции творчества — в том числе собственного — автор считает именно схемы одним из творческих шагов. Но при выстраивании их он часто употребляет, кажется, не вполне допустимые словесные конструкции, например, если еще можно представить схему диалога ангела-хранителя с Господом, допустив, что они говорят нашими словами, что невероятно, то «схему Господа» (с. 260) представить нельзя, все же христиане искали «неведомого Бога».

Розин В.М. Изобретение, строение, разум искусственного интеллекта. Обсуждаем вместе с ИИ. — М.: Голос, 2026. — 232 с.

Новая книга Вадима Розина, известного российского философа, представляет собой фундаментальное философско-методологическое исследование феномена искусственного интеллекта, выполненное в уникальном диалоговом формате — автор не только анализирует ИИ, но и непосредственно взаимодействует с ним, задавая вопросы нейросетям и получая развернутые ответы. В центре внимания автора — непростые вопросы: что такое искусственный интеллект, можно ли считать его разумом, способен ли он мыслить и творить, какова его природа и как он устроен. Автор противопоставляет две основные концепции — «имитационную», рассматривающую ИИ как техническое воспроизведение естественного интеллекта, и «вычислительную», сводящую интеллект к вычислительным процедурам. В книге прослеживаются три ключевые ипостаси ИИ: сложный компьютер, осуществляющий вычисления; нейронная сеть, имитирующая строение мозга; и моделирование интеллектуальных процессов (схематизации, языка, мышления и решения

задач). Особое внимание уделяется формированию генеративной организации нейросетей через обучение на больших данных. Вклад автора, помимо общей картины, — анализ того, как нейросети схватывают тонкие смысловые характеристики, контексты и исключения, что становится возможным благодаря многомерным векторным пространствам и механизмам внимания. Автор вводит различие между формированием нейросети и ее работой, проводя аналогии с эволюцией человека и развитием психических реальностей. Кроме того, книга затрагивает острые социальные и экзистенциальные вопросы: кто принимает решения о развитии ИИ, каковы риски порабощения человека техникой, способен ли ИИ к творчеству, каковы перспективы сосуществования естественного и искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу, что ИИ — это «зеркальный иной разум», продукт и часть естественного интеллекта, который не заменит человека, но станет его мощным инструментом и партнером. В приложениях автор предлагает оригинальные решения проблемы квалиа, учение о задачах и их типах, анализ сущности творчества на материале собственного поэтического опыта, а также размышления о разуме ИИ.

Книга адресована философам, методологам, специалистам в области ИИ, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами сознания, мышления и перспективами развития искусственного интеллекта.

Книга состоит из Введения «Непростые проблемы осмысления ИИ» с двумя заданиями для нейросети, четырех глав («ИИ — это сложный компьютер, в котором идут вычисления», «Нейронная сеть, имитирующая мозг, — вторая ипостась ИИ», «Моделирование в нейросетях контекстуальных характеристик значений слов», «ИИ как целое. Зеркальный иной разум. Три источника творчества ИИ») и четырех Приложений — «Авторское решение проблемы квалиа», «Задачи: типы, строения и решения», «Сущность творчества», «Разум искусственного интеллекта». Автор полагает, что «разум ИИ представляет собой **конституирование такого мира, в котором возможно разрешение монблана проблем модерна, включая самую главную — создание условий, позволяющих сохранить жизнь на земле**» (с. 229).

Огурцов А.П. На путях к философии науки / Отв. ред, вступ. ст., комм., библиогр., им. ук. Светланы Неретиной. — М.: Голос, 2026. — 408 с.

В сборник, помимо некоторых найденных рукописей (в их числе — автобиография, неопубликованная рецензия на публикацию Канта, тезисы «История науки и противоборство идеалов научности»), вошли в основном труды, написанные в те годы, когда Александр Павлович Огурцов только начинал свою трудовую деятельность и работал ассистентом в Институте легкой промышленности, откуда затем перешел в ИФ АН СССР, ж. «Вопросы философии», Институт международного рабочего движения АН СССР, Институт истории естествознания и техники АН СССР. Это было «бесцифровое» время, из которого многое может остаться только в архивах.

Между тем эти работы не только обнаруживают этапы деятельности известного философа: они весьма содержательны. Так, несомненный интерес представляют статья «Проблема труда в философии Гегеля», опубликованная в 1960 г. в сборнике 115 «Научных трудов» Московского технологического института легкой промышленности, или тезисы

о фальсификации ранних работ Маркса, опубликованные в сборнике, посвященном 30-летию того же института. Эти небольшие работы свидетельствуют не только об эволюции взглядов Огурцова, но о резком скачке, пережитом советской философией на рубеже 1990-х годов.

Особый интерес Огурцова представляют работы, которые он сам называл «забытыми изысканиями».

Книга представляет интерес для философов, особенно для начинающих.